

Церковь и революція.

Изъ всего, что пришлось мнѣ читать о возникновеніи и причинахъ нашей несчастной революціи, особенно яркими представляются мнѣ слова покойнаго адмирала Чухнина. Этотъ доблестный Командующій Черноморскимъ флотомъ въ ноябрѣ 1906 г. писалъ Государю въ своемъ всеподданѣйшемъ отчетѣ: „Военная буря затихла, но революціонная нѣтъ. Русскихъ людей невидимо для нихъ ведутъ къ междуусобной войнѣ, къ самоуничтоженію. Всѣ это понимаютъ. Нѣтъ величія духа для противодѣйствія.“

Революція, какъ явленіе весьма сложное, всякій разъ возникаетъ изъ цѣлаго ряда причинъ. Тутъ обыкновенно имѣютъ мѣсто причины частныя и общія, случайныя и, такъ сказать, постоянныя, неизмѣнно при всѣхъ революціяхъ повторяющіяся. Мнѣ хочется указать на одну изъ послѣднихъ причинъ, имѣющую, на мой взглядъ, не послѣднее значеніе въ возникновеніи нашей революціи.

Когда будущій безстрастный и безпристрастный, далекій отъ нашего горя и отъ нашихъ переживаній, историкъ будетъ писать исторію нашихъ дней и, въ частности, описывать исторію царствованія Императора Николая II, онъ въ этомъ царствованіи отмѣтитъ много замѣчательнаго. Обратите вниманіе хотя-бы на такой фактъ. Въ началѣ царствованія Императора Николая II среди новобранцевъ числилось 90% неграмотныхъ; въ концѣ царствованія получилось обратное отношеніе: 90% грамотныхъ. Развѣ этотъ фактъ не говоритъ о томъ, какъ шагнуло впередъ за послѣднее царствованіе народное образованіе? Берите другіе факты. За время царствованія Имп. Николая II ожили и зацвѣли необъятная Сибирь и волшебный Туркестанъ, обѣщавшіе обогатить Россію; расцвѣли промышленность и торговля; поднялось земледѣліе. Народъ во многихъ отношеніяхъ сдѣлалъ огромный, въ нѣкоторыхъ — небывалый скачекъ впередъ. Въ этомъ было много великаго, но было и опасное, страшное.

Въ жизни всѣхъ народовъ самое опасное время, когда народъ перерастаетъ формы и отношенія, изъ которыхъ слагается укладъ его жизни. Мудрость правителей и законодателей въ томъ состоитъ, чтобы содѣйствовать не только развитію народнаго сознанія, росту народныхъ силъ и богатствъ, но и обновленію, усовершенствованію жизненныхъ

формъ и отношеній, предупрежденію того момента, когда разросшійся духъ не вмѣщается въ старыя формы, когда новое вино можетъ разорвать старыя мѣхи.

Во всей работѣ правителей и законодателей это — самое трудное дѣло, ибо для измѣненія существующихъ жизненныхъ формъ и отношеній мало иногда бываетъ таланта, даже генія правителей, необходимъ еще откликъ, великодушный порывъ, проявленіе величія духа со стороны цѣлыхъ классовъ народа.

Кто знакомъ съ ходомъ событій ноября 1916-го года, тотъ вспомнитъ, что не только Государственная Дума, но и такія спокойныя, уравновѣшенныя и консервативныя организациі, какъ Съѣздъ Объединеннаго Дворянства и Государственный Совѣтъ вzywали тогда къ Государю, прося его проявить величіе духа. Государь проявилъ величія духа больше, чѣмъ требовалось и чѣмъ ждали эти организациі: „для блага и счастья Родины“ онъ отрекся отъ престола и за себя, и за сына. Насколько я зналъ покойнаго Государя, я увѣренъ, что для счастья Родины онъ не остановился бы и передъ еще большей жертвой. Потомъ говорили, что Государь опоздалъ. Я думаю, что дѣло не въ этомъ. Я думаю, что какъ эта, такъ и всякая другая жертва, принесенная однимъ лицомъ, хоть и стоящимъ выше всѣхъ, могла бы оттянуть катастрофу, но не предупредила бы ее, если-бы она и была принесена раньше, ибо требовалось проявленіе величія духа не однимъ лицомъ, а множествомъ лицъ, цѣлыми классами.

Революція наша надвигалась быстро, незамѣтно лишь для тѣхъ, кто ничего не хотѣлъ видѣть. Надвигалась она на государство. Но кто зналъ состояніе церковной жизни въ то время, у тѣхъ зарождалось опасеніе, какъ бы пламень революціи съ государства не перебросился и на церковный корабль.

Тутъ я долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи нашей родной церкви передъ революціей.

Прежде всего прошу замѣтить, что въ Церкви надо различать двѣ стороны: вѣчную и временную, божественную и человѣческую.

Первую составляютъ: ученіе Церкви, благодатная сила Церкви. Вторую сторону составляютъ: люди, входящіе въ Церковь, церковныя учрежденія и организациі, система и методы церковной работы. Совершенство первой стороны — фактъ, основа нашей вѣры; совершенство второй — возможность, идеаль. Вторая сторона въ каждой Церкви отъ разныхъ причинъ колеблется и измѣняется: лица, не исключая и занимающихъ высшія іерархическія должности, могутъ быть лучшими или худшими, учрежденія и организациі — болѣе или менѣе совершенными, методы — болѣе или менѣе отвѣчающими цѣли. Я буду говорить объ этой второй временной, или человѣческой сторонѣ церкви.

Я прежде всего отмѣчу несомнѣнный фактъ, что наша русская Церковь за прошлое время достигла безусловныхъ и колоссальныхъ успѣховъ въ области развитія культа, обряда. Въ этомъ отношеніи ни одна изъ христіанскихъ Церквей не можетъ сравняться съ нею. Нашъ лѣтописецъ сообщаетъ, что когда то Греческая Церковь отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ богослуженія, поразившимъ пословъ нашего Князя Владиміра. Греческіе источники также даютъ право думать, что въ древнее время греческое богослуженіе было величественнымъ и торжественнымъ. Извѣстно, напр., что Императоромъ Юстиніаномъ Первымъ былъ установленъ такой штатъ для храма Св. Софіи въ Константинополѣ: 60 священниковъ, 100 діаконовъ, 90 иподіаконовъ, 40 діакониссъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ, 100 придверниковъ. Импер. Ираклій увеличилъ этотъ штатъ. Только особенной торжественностью совершаемыхъ во храмѣ Софіи богослуженій могъ вызываться столь многолюдный клиръ. Но... такъ было, не такъ — теперь. Теперь насъ, русскихъ, греческое богослуженіе поражаетъ своей неторжественностью и какой то нескладностью. Богослуженіе у Балканскихъ православныхъ народовъ тоже не можетъ удовлетворить насъ. Напротивъ, наше русское богослуженіе вездѣ: и въ Греціи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи завоевываетъ себѣ все большія симпатіи, привлекая въ наши храмы массу мѣстнаго населенія. Наши храмы вездѣ переполнены, когда мѣстные храмы пустуютъ. Наше богослуженіе поражаетъ своей необыкновенной красотой даже инославныхъ иностранцевъ, несмотря на то, что главная, идейная часть, идейный смыслъ богослуженія отъ нихъ ускользаетъ. Еще задолго до революціи, по распоряженію Англійской Королевы Викторіи, были введены нѣкоторыя наши пѣснопѣнія въ англійское богослуженіе; между прочимъ введена цѣликомъ наша панихида. Сейчасъ, когда съ наплывомъ бѣженцевъ, представляется полная возможность вездѣ за границей наше богослуженіе поставить такъ, какъ оно стояло въ Россіи, нѣмцы, французы, англичане переполняютъ наши храмы. Изъ Лондона сообщаютъ, что тамъ началось почти массовое обращеніе пораженныхъ красотой нашего богослуженія англичанъ, главнымъ образомъ изъ аристократіи, къ православію.

Роль богослуженія въ прошломъ религіозно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа была огромной. Оно было не только главной, но во многихъ мѣстахъ единственной силой, религіозно воспитывавшей русскаго, особенно простаго, человѣка. Церковь съ богослуженіемъ замѣняла для него и школу, и художественный музей, и всякія духовныя дисциплины. Священные изображенія и священныя дѣйствія, слова молитвъ и звуки пѣснопѣній со всей этой обстановкой богослужебной — съ возженными свѣчами, съ дымомъ кадильнымъ — они,

а не проповѣдь, какъ у протестантовъ, не сложная и хитрая воспитательная система, какъ у католиковъ, будили въ душѣ русскаго человѣка идею о Богѣ и наполняли его душу высокими чувствами и стремленіями, которыя потомъ такъ ярко сказывались иногда въ его жизни.

Особенно рельефно выявлялась сила нашего богослуженія въ жизни нашихъ монастырей.

Кто же не знаетъ, что среди множества нашихъ монастырей были и такіе, которые, по образовательному уровню, жизни и дѣятельности населявшей ихъ братіи, оставляли желать многого лучшаго. Не секретъ и то, что наши монахи, въ огромномъ процентѣ простецы, полуграмотные, а иногда и совсѣмъ неграмотные, въ рѣдкихъ случаяхъ были способны къ религиозно-просвѣтительной дѣятельности. И, однако, во всѣхъ монастыряхъ, не исключая и самыхъ слабыхъ, валомъ валилъ народъ, и уходилъ онъ оттуда съ обновленными силами, съ успокоенной душой. Монастыри достигали этого черезъ богослуженіе.

Цѣльность, художественность, глубокая идейность и огромная назидательность русскаго богослуженія — общепризнанный фактъ. Чтобы не ослабить ихъ, нѣкоторые изъ весьма образованныхъ и видныхъ духовныхъ лицъ приходили къ отрицанію проповѣди за богослуженіемъ. Мысль эта можетъ показаться отсталой, но она имѣетъ свои основанія, ибо слабое, неудачное, неглубокое человѣческое слово, дѣйствительно, можетъ ослабить возбуждаемую богослуженіемъ высокую настроенность души вѣрующаго. Поэтому нельзя не согласиться, что для проповѣдника за богослуженіемъ иногда бываетъ „удобѣе молчаніе.“

Въ прошломъ, — еще разъ повторяю, — значеніе богослуженія въ дѣлѣ религиозно-нравственнаго воспитанія — огромно.

Въ храмѣ, при богослуженіи, изъ небесныхъ словъ, отъ божественныхъ призывовъ, отъ дышащихъ самоотверженіемъ и аскетизмомъ священныхъ ликовъ нашъ народъ воспринялъ и усвоилъ христіанскія и, въ частности, аскетическія идеи, проникся любовію къ подвигу самопожертвованія, который онъ въ своей исторіи такъ часто и такъ величественно потомъ проявлялъ.

Я сказалъ бы, что религиозно-нравственное воспитаніе нашего народа было исключительно церковно-богослужебнымъ.

Въ такомъ воспитаніи, при его огромныхъ достоинствахъ, былъ одинъ немаловажный недостатокъ. Оно не могло имѣть системы, оно шло урывками и не захватывало всѣхъ сторонъ обыденной жизни, не всегда проникало въ суету будней. Не отсюда ли развились нѣкоторыя особенности уклада русской жизни? Русскій человѣкъ, напр., какъ никто другой, способенъ къ подвигу и далеко не такъ способенъ къ подвижничеству, т. е. къ неуклонному, упорному, настойчивому, продолжительному напряженію силъ при исполненіи долга, иногда скучнаго

и мало для другихъ замѣтнаго. У русскаго человѣка часто, вслѣдъ за однимъ-двумя воскресными часами благочестивыхъ воздыханій въ храмѣ — шумно и бурно въ теченіе осталь-ней и часовъ недѣли проходили языческіе будни.

Не на этой ли почвѣ выросли особые типы русскихъ лю-дей, вродѣ, напр., тѣхъ, которыхъ народная мудрость окре-стила „спереди — блаженъ мужъ, а сзади — вскую шаташася,“ или вродѣ одного изъ героевъ Писемскаго, Кнопова, который сознается: „два только таперича у меня удовольствія въ жизни осталось: поѣсть и выпить хорошенько, да церковное пѣніе еще люблю.“*)

Въ связи съ богослуженіемъ можно было бы говорить о развитіи у насъ церковнаго зодчества, иконописи, церков-ной музыки — искусствъ, въ широкомъ масштабѣ выявившихъ и русскую душу и русскій геній. Несомнѣнно, что эти искус-ства развились изъ одного корня — изъ глубокой любви рус-скаго человѣка къ возвышавшему въ теченіе вѣковъ его душу богослуженію. Необыкновенное развитіе и размноженіе мона-стырей, особый, въ сравненіи съ другими отраслями богослов-ской литературы, ростъ аскетической у насъ мысли также обя-заны богослужебному дѣлу.

Но наряду съ этой и нѣкоторыми другими свѣтлыми сто-ронами нашей церковной жизни виднѣлись и другія, заставляв-шія многихъ задумываться; наряду съ сильными и здоровыми артеріями нѣкоторыя артеріи церковнаго организма были за-сорены и работали съ перебоями; въ массивѣ церковнаго ко-рабля виднѣлись пробоины. Не будемъ долго останавливаться на этихъ сторонахъ, упомянемъ лишь про нѣкоторыя изъ нихъ.

Духовная школа, почти переставшая давать кандидатовъ священства и выпускавшая, пожалуй, не меньше атеистовъ, чѣмъ глубоко идейныхъ людей; преподаваніе Закона Божія въ школахъ, чаще мертвившее, чѣмъ оживлявшее души; вялость, а иногда и полная мертвенность приходской жизни; отсутствіе строгой системы, преемственности, методовъ и руководства въ пастырствѣ; бессистемность и значительный произволъ въ управленіи, — эти, ставшіе хроническими, недостатки тормо-зили и парализовали развитіе церковной жизни.

Упадокъ церковный остро чувствовался предъ революціей. Церковь блистала великолѣпіемъ обрядовъ, владѣла огромными матеріальными богатствами, насчитывала почти 150 милліоновъ принадлежащихъ къ ней вѣрующихъ, имѣла въ своемъ распоря-женіи тысячи школъ, — внѣшнее все говорило въ ея пользу, но въ то же время до очевидности ясно было, что церковь все больше слабѣетъ, не используетъ всѣхъ находящихся въ ея распоряженіи ресурсовъ и съ каждымъ годомъ больше теряетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ вѣрующихъ.

*) „Люди сороковыхъ годсъ.“

Тогда всю вину за церковное неустройство взваливали на засиліе свѣтской власти, давившей и связывавшей Церковь, и болѣе всего на Оберъ Прокурора. Нельзя, конечно, отрицать того, что вмѣшательство свѣтской власти, и чаще всего Оберъ Прокурора, въ дѣла церковныя бывало очень властнымъ и чувствительнымъ и на церковномъ организмѣ отзывалось иногда очень болѣзненно, но въ то же время никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ, будто до того состоянія, въ какомъ находилась церковь передъ революціей, довели ее Оберъ Прокуроры или вообще свѣтская власть, давившая Церковь. Какъ извѣстно, въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ передъ революціей должность Оберъ Прокурора Св. Синода занималъ безличней, безвольней и подобострастней Р...ъ, бывшій самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всесильнаго тогда Петроградскаго Митрополита Питирима, которому онъ былъ обязанъ избраніемъ на этотъ высокій постъ. О покойномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ II надо сказать, что онъ былъ благочестивѣйшимъ не по титулу только, а и по душѣ и по всему складу своей жизни. Онъ искренно любилъ церковь, желалъ ей преуспѣянія и готовъ былъ содѣйствовать всякому начинанію въ этомъ направленіи. То же надо сказать и о покойной Императрицѣ. И однако, въ эту пору, когда фактическимъ заправилой церковныхъ дѣлъ былъ Митрополитъ, церковное дѣло шло, какъ никогда раньше, худо.

Нѣтъ, не гнетъ и насиліе свѣтской власти разслабляли Церковь. Трудно представить больше тѣхъ гнета и насилій, которымъ подвергается Церковь отъ большевиковъ. И, однако, она въ эту пору развивается и крѣпнетъ. Если говорить о государственной власти, то въ прежнее время Церковь разслабляли не столько гнетъ сколько „благодѣтельная“ опека государственной власти, охранявшая ее и отъ ересей и расколовъ, и отъ иновѣрія и инославія и всѣмъ ее снабжавшая.

Церковь представляетъ собой своеобразный организмъ. Въ то время, какъ государство богатѣетъ и крѣпнетъ въ годы мира и спокойствія, Церковь крѣпнетъ и расцвѣтаетъ въ пору бурь, въ борьбѣ и страданіяхъ. Такъ было раньше, такъ будетъ и впредь. Когда Христось говорилъ своимъ ученикамъ: „блаженны вы, когда будутъ васъ поносить, гнать и преслѣдовать за Меня“, то Онъ несомнѣнно, имѣлъ въ виду и эту особенность Церковнаго организма. Огонь вѣры, религіозный духъ подогрѣваются и возбуждаются подвигомъ, самоотверженіемъ. Неумѣренная опека отнимала почву для подвига, усыпляла живыя силы, съ одной стороны, развивала безволіе и раболѣпство, съ другой и т. д.

Указанные выше недочеты нашей церковной жизни, дававшіе поводъ однимъ — хулить Церковь, другимъ — молить Бога объ ея обновленіи, возбуждали, съ приближеніемъ революціи у нѣкоторыхъ серьезныя опасенія: въ области

государственной, вѣдь, легко докатились мы отъ свободъ до террора и анархіи; нѣчто подобное могло случиться и въ Церкви.

Съ началомъ революціи, дѣйствительно, началось нѣкоторое броженіе въ церковной жизни.

Около новаго „революціоннаго“ Оберъ-Прокурора Св. Синода образовался кружокъ священниковъ — христіанскихъ социалистовъ; на улицахъ Петрограда среди непрерывно бродившихъ съ пестрѣвшими разнообразными призывами, красными тряпками группъ можно было видѣть одну группу, возглавляемую молодымъ священникомъ, издателемъ дешевой церковной газеты; на тряпкѣ, — конечно, красной, — этой группы красовалась надпись: „свободная церковь“.

Въ Кіевѣ образовалась духовная директорія изъ пяти лицъ, — кажется, изъ трехъ священниковъ и двухъ мірянъ, — захватившая власть надъ мѣстной духовной Консисторіей и пытавшаяся терроризировать Кіевского Митрополита Владиміра, потомъ въ январѣ 1918 года убитого большевиками. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, какъ въ Орлѣ, Тулѣ, Твери составились бурные епархіальные съѣзды, — во главѣ ихъ стали самые либеральные, „свободные“ батюшки. Съѣзды низложили своихъ владыкъ. Одинъ изъ самыхъ благочестивыхъ нашихъ архіереевъ, Воронежскій архіепископъ Тихонъ, заподозрѣнный въ контръ-революціи, былъ арестованъ и въ арестантскомъ вагонѣ доставленъ въ Петроградъ. Опасность угрожала Церкви. Но Господь спасъ ее. Въ первый же періодъ революціи обнаружались своего рода „memento mori“, заставившіе крѣпко задуматься даже самыхъ горячихъ сторонниковъ церковной свободы.

Я укажу на два явленія. Первое можетъ кому-либо показаться ничтожнымъ, второму никто не откажетъ въ серьезности.

Первое явленіе — это первый революціонный оберъ-прокуроръ Св. Синода В. Н. Львовъ.

До революціи, будучи членомъ Гос. Думы, онъ числился въ рядахъ націоналистовъ. Когда обсуждались въ Думѣ церковные вопросы, онъ неизмѣнно выступалъ въ числѣ ораторовъ, причемъ всегда ратовалъ за церковную свободу, громя засиліе и гнетъ оберъ-прокурорской власти. За свои думскія рѣчи онъ, когда разразилась революція, и былъ посаженъ на оберъ-прокурорское кресло. Исполненіе столь ненавистной раньше для него должности онъ началъ съ заявленія, что онъ для того сталъ оберъ-прокуроромъ, чтобы освободить и обновить Церковь. Но... новый „свободный“ оберъ-прокуроръ оказался такимъ насильникомъ и деспотомъ, какого Церковь не видѣла за все существованіе прокурорской власти. Новый оберъ-прокуроръ кричалъ и топалъ ногами на престарѣлаго, 80 лѣтняго Московскаго Митрополита Макарія,

требуя отъ него немедленной подачи прошенія объ отставкѣ. Новый оберъ-прокуроръ заявилъ, что онъ избираетъ въ Петербургскіе Митрополиты — молодого Уфимскаго епископа Андрея (кн. Ухтомскаго), а въ Московскіе — Пензенскаго архіепископа Владиміра (Путяту), нынѣ знаменитаго тѣмъ, что за преступленія онъ въ 1918 г. изверженъ изъ сана и отлученъ отъ Церкви. Членамъ Синода стоило большихъ усилій, чтобы удержать оберъ-прокурора отъ быстро и рѣшительнаго приведенія въ исполненіе такого рѣшенія. 15-го апрѣля 1917 года оберъ-прокуроръ потребовалъ увольненія на покой безъ суда и слѣдствія нѣсколькихъ архіереевъ. Синодъ отказался исполнить такое антиканоническое требованіе. Это было въ пятницу. На другой день, въ субботу, собравшемуся на засѣданіе Синоду приказано было стоя выслушать указъ Временнаго Правительства. Этимъ указомъ распускался старый составъ Синода и назначался новый. Указъ былъ объявленъ при огромной толпѣ чиновниковъ и служителей Синода, по приказанію оберъ-прокурора, „для торжественности“ наполнившихъ залъ синодальныхъ засѣданій.

Подобное зрѣлище было устроено оберъ-прокуроромъ и въ другой разъ.

Надо замѣтить, что во время засѣданій Синода въ залѣ засѣданій кромѣ оберъ-прокурора съ его товарищемъ, управляющаго синодальной канцеляріей съ его помощникомъ и секретарей-докладчиковъ никто не присутствовалъ. Но вотъ въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ второго марта, лишь только члены Синода заняли свои мѣста, какъ въ раскрывшіяся двери зала густо повалила толпа синодскихъ чиновниковъ и служителей, заполнившая почти половину огромнаго синодскаго зала. Когда толпа успокоилась, выпрямившійся во весь ростъ оберъ-прокуроръ, повелительнымъ жестомъ указывая на стоявшее подъ портретомъ Государя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, у стола для засѣданій, царское кресло, приказалъ: „Уберите это кресло!“ Нѣсколько чиновниковъ бросились къ креслу, чтобы унести его, но сорвать кресло съ мѣста не могли: оно было крѣпко приковано къ полу. Повозившись безплодно нѣсколько минутъ, они должны были оставить царскій тронъ въ покоѣ. Толпѣ послѣ этого велѣно было разойтись. Неудачная церемонія кончилась...

Буду говорить о второмъ явленіи.

Еще Достоевскій устами Шатова заявлялъ въ „Бѣсахъ“: „Если въ Россіи бунтъ начинать, то его непременно надо начать съ атеизма“.

Въ Россіи революція началась съ атеизма; вѣрнѣе сказать, атеизмъ сразу же сталъ самымъ сильнымъ рычагомъ революціи. Онъ проявлялся всюду и вездѣ: онъ сказался и въ дѣйствіяхъ оберъ-прокурора, когда тотъ кричалъ и топалъ на престарѣлаго Московскаго Митрополита Макарія, и въ

арестъ и перевозкѣ въ арестантскомъ вагонѣ Воронежскаго Архіепископа Тихона, и въ низложеніи епархіальными съѣздами своихъ архіереевъ. Онъ сказывался въ дѣйствіяхъ революціонныхъ властей, арестовывавшихъ священнослужителей и глумившихся надъ ними подъ предлогомъ, что на колокольныхъ, будто бы, были установлены пулеметы. Онъ выражался въ опустѣніи храмовъ, точно съ отреченіемъ Государя Императора отъ престола земного, русскіе граждане обязаны стали отречься отъ Престола Небеснаго. Онъ выражался въ кошунственныхъ рѣчахъ и призывахъ революціонныхъ агитаторовъ. Онъ проявлялся вездѣ и всюду, но особенно ярко онъ сказался на фронтѣ.

Надо замѣтить, что фронтъ нашъ въ религіозномъ отношеніи во время великой войны, до самой революціи, представлялъ замѣчательныя картины. Въ то время, какъ въ тылу, особенно въ госпиталяхъ и санитарныхъ поѣздахъ, гдѣ среди санитаровъ много было сектантовъ, шла сектантская, а вмѣстѣ съ нею и пораженческая пропаганда, боевая линія совсѣмъ не знала пропаганды.*) Съ другой стороны, продолжительная, свыше года неподвижность фронта дала возможность всѣмъ воинскимъ частямъ устроить у себя вблизи окоповъ въ землянкахъ уютные храмы, а нѣкоторымъ настоящіе соборы, вмѣщающіе 3—4 тысячи человекъ. Части одна передъ другой соперничали въ украшеніи своихъ храмовъ: въ устройствѣ иконостасовъ, утвари, начиная съ малыхъ подсвѣчниковъ, кончая нарядными величественными паникадилами. Все это дѣлалось изъ проволоки, гильзы отъ пуль и снарядовъ, изъ поврежденныхъ штыковъ и пр. Талантливые мастера, однако, изъ такого примитивнаго матеріала умудрялись создавать весьма художественныя вещи.

При всѣхъ полкахъ завелись многолюдные, мощные, прекрасно сѣорганизованные хоры.

Церкви посѣщались чинами весьма усердно. Въ нѣкоторыхъ частяхъ священники сдѣлали опытъ: добились отмены наряда чиновъ на богослуженіе, — солдатамъ была предоставлена свобода въ отношеніи посѣщенія богослуженія. И, однако, въ этихъ частяхъ число посѣщающихъ не убавилось, а увеличилось.

Въ 1916 г. былъ введенъ въ армію особый институтъ армейскихъ проповѣдниковъ. На каждую армію полагался особый проповѣдникъ. Его обязанностью было посѣщать части арміи и проповѣдывать въ нихъ. Выбирались проповѣдники чрезвычайно тщательно изъ самыхъ выдающихся священниковъ всей Россіи. Институтъ этотъ въ началѣ 1917 г. блисталъ дарованіями и силами. Познакомившись съ дѣятель-

*) Нѣкоторое исключеніе составлялъ Рижскій фронтъ, на которомъ сказывалась близость Риги — этого гнѣзда нѣмецкихъ шпионовъ и сочувствовавшихъ нѣмцамъ рижскихъ баптистовъ, адвентистовъ и др. сектантовъ.

ностью нѣсколькихъ изъ армейскихъ проповѣдниковъ сѣвернаго фронта, англійскій генералъ Ноксъ въ 1916 г. призналъ геніальной мыслью введеніе этого института въ армію. Лѣтомъ 1917 г. проповѣдники юго-западнаго фронта привели въ восторгъ французскаго министра Тома.

И послѣ 2 марта армейскіе проповѣдники продолжали свою работу. Но... послѣ 2 марта главнымъ образомъ изъ Петрограда, а потомъ и изъ другихъ мѣстъ на фронтъ ринулась туча другихъ „проповѣдниковъ“, главнымъ образомъ — изъ іудейскаго племени, которые почти всегда начинали свою проповѣдь со словъ: „Не вѣрьте попамъ! Не слушайте ихъ“.

Состязаться армейскимъ проповѣдникамъ, какъ и вообще военнымъ священникамъ съ этими противниками было до невозможности трудно. Послѣдніе обѣщали солдату „землю и волю“, — иначе — разрѣшали не воевать и позволяли грабить. Первые звали солдата къ подвигу, къ самоотреченію, къ долгу и послушанію. Легко было угадать, какой путь изберетъ закружившаяся голова солдата. „Мы проходимъ подвигъ крестный“, — говорилъ мнѣ лѣтомъ 1917 г. проповѣдникъ 3-ей арміи. „Какимъ только оскорбленіямъ не подвергаешься. Въ послѣднюю поѣздку, напр., говорю имъ о солдатскомъ долгѣ, о правильномъ пониманіи свободы, — слышу зади реплики: „чортъ кудлатый!“ „водолазъ!“ „Чаво его, товарищи, слушать! Никакова долгу... Землю надо поровну всѣмъ раздѣлить, да чтобы каждый своими руками обрабатывалъ, машиной ни-ни!“ „Воевать хошь“ — вдругъ подскакиваетъ ко мнѣ солдатъ, протягивая винтовку, — „такъ на винтовку и иди въ окопы, а мы домой пойдемъ“. и т. д.

Проповѣди революціонныхъ ораторовъ, глумившихся надъ Богомъ и ругавшихъ „поповъ“, достигли своей цѣли. Опустѣли церкви на фронтѣ, ибо посѣщеніе церковей стало считаться контръ-революціоннымъ дѣломъ. Революція и Богъ не могли ужиться въ душѣ русскаго солдата. Революція, какъ ее ему разъясняли, сулила ему счастье и приволье, Богъ ограничивалъ и стѣснялъ его. Тогда — долой Бога! Микробъ безумія, охватившій солдатскую душу, выгналъ изъ нея Бога. Какую же позицію занимала Церковь во время революціи? Тѣ революціонныя выступленія отдѣльныхъ священниковъ и цѣлыхъ епархіальныхъ съѣздовъ, о которыхъ говорилось выше, были лишь эксцессами и ни въ какомъ отношеніи не могли характеризировать общаго направленія и настроенія церковной жизни.

Въ общемъ же Церковь, — разумѣемъ подъ нею въ данномъ случаѣ іерархію и клиръ, — въ первый періодъ революціи относилась къ ней выжидательно, осторожно, какъ бы приглядываясь, что изъ нея выйдетъ. Этому, несомнѣнно, способствовало и то обстоятельство, что наше духовенство, въ огромной своей части, представляло наиболѣе консервативную

часть русскаго общества, которой труднѣ всего было переживать перемѣну въ формѣ правленія. Находились даже и такіе священники, которые и послѣ отреченія Государя упорно продолжали поминать его за богослуженіями. Таковъ, напр., былъ престарѣлый настоятель церкви Іоанна Предтечи, на Обводномъ каналѣ, въ Петроградѣ. Другіе подчинились велѣнію, и Временному Правительству возглашали „многая лѣта“. Но мысль то и у нихъ продолжала работать въ прежнемъ направленіи и иногда противъ ихъ воли пробивалась наружу.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней послѣ Пасхи 1917 г. въ Петроградскомъ Казанскомъ Соборѣ шла литургія. Служилъ протоіерей А. . . . й, съ діакономъ. До революціи на великомъ выходѣ обыкновенно поминовеніе начиналъ діаконовъ: „Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Вел. Госуд. Императора Николая А-ча да помянетъ Господь Богъ во Царствіи Своёмъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.“ Священникъ продолжалъ: „Супругу его Благочестивѣйшую Государыню Императрицу А. Ѳ. да помянетъ Господь Богъ“ и т. д. Послѣ революціи измѣнили порядокъ. Діаконовъ поминалъ Синодъ и правящаго Архіерея, а священникъ послѣ него Временное Правительство и т. д. Въ описываемое время Петроградской Епархіей правилъ епископъ Гдовскій Веніаминъ. Вотъ діаконовъ на великомъ выходѣ и началъ: „Свят. Прав. Синодъ и Господина нашего Преосвящ. Веніамина, Епископа Гдовскаго, да помянетъ Господь Богъ“ и т. д. Еще не смолкъ густой басъ діакона, какъ раздался тонкій, но отчетливый тенорокъ прот. А. . . . о: „Супругу его...“ Тутъ голосъ оборвался, протоіерей закашлялъ, наступила длинная пауза... Только минуты черезъ двѣ о. протоіерей пришелъ въ себя и уже дрожащимъ голосомъ продолжалъ: „Благовѣрное Врем. Правительство да помянетъ Господь Богъ“ и т. д. На этотъ разъ публика отнеслась къ эпизоду благодушно, но бывали случаи, что подобные „lapsi linguae“ кончались большими неприяностями для священниковъ.

Отношеніе Церкви къ революціи ярко выразилось на Всероссийскомъ Церковномъ Соборѣ.

Заслуга созыва Собора, главнымъ образомъ, если не всецѣло, принадлежитъ В. Н. Львову. Это, впрочемъ, не помѣшало Собору, въ лицѣ большинства своихъ членовъ, такъ встрѣтить бывшаго революціоннаго оберъ-прокурора, что онъ скоро пересталъ показываться на засѣданіяхъ Собора.

Соборъ не занимался политикой, не касался ни формы правленія, ни династическихъ вопросовъ, но уродливыя формы революціи, прежде всего, ложно понятая и во зло употребленная свобода, имъ были осуждены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Многимъ, вѣроятно, памятна его пламенная воззванія къ арміи, къ народу. Памятно, вѣроятно, и заступничество Собора предъ Временнымъ Правительствомъ за Корнилова,

какъ за борца противъ разложенія арміи и народной массы. Стойкость и прямолинейность Собора были поразительны. Кругомъ все бурлило и кипѣло, кругомъ бредили свободами и неслись въ невѣдомую даль, а Соборъ твердо стоялъ на вѣковыхъ устояхъ, съ чрезвычайной осторожностью дѣлая каждый шагъ впередъ и отменяя все, что мало мальски казалось подозрительнымъ и опаснымъ. Соборъ устоялъ противъ всякихъ „свободъ“ и „завоеваній революціи“ въ церковной области и даже отмѣнилъ возстановленное, было, съ началомъ революціи право избранія прихожанами священниковъ. Возстановленіе Патріаршества нельзя отнести къ „завоеваніямъ революціи“. Это было возстановленіе прежняго, а не выявленіе новаго.

Такая неподвижность и, если хотите, реакціонность Собора тогда не удовлетворяла и даже пугала тѣхъ, кто ждалъ отъ него самыхъ рѣшительныхъ реформъ и улучшенія въ разныхъ областяхъ нашей церковной жизни. Теперь думается: можетъ быть, это было лучше. Ибо, ставъ на путь широкихъ реформъ, Соборъ могъ подпасть духу времени и не избѣжать большихъ ошибокъ. Церкви нужно было пройти черезъ огонь тяжкихъ испытаній, чтобы они очистили и обновили ее.

Страданія Церкви начались съ побѣдой большевиковъ. Исповѣдуя, что „религія — опиумъ для народа“, большевики не могли быть иными въ отношеніи Церкви, чѣмъ они есть. Надо ли повторять, что перетерпѣла за послѣднее время Церковь? Она ограблена и матеріально разорена. Ее все время гоняты и преслѣдуютъ. За 4 года убито 28 епископовъ и нѣсколько тысячъ священниковъ. Надъ ней глумятся, ее высмѣиваютъ, на нее клеветуютъ. Противъ нея ополчились, кажется, всѣ силы ада. И, однако, побѣдить ее не могутъ. Въ Россіи все сдалось большевикамъ: власть, армія, интеллигенція, рабочіе, крестьяне. Одна Церковь крѣпко стоитъ, какъ противная имъ, отрицающая ихъ сила. И не только стоитъ, но и все время борется съ ними, то прямо, обличая и громя ихъ, то косвенно, внѣдряя въ народъ начала христіанской вѣры и морали.

Ослабла ли русская Церковь за время большевистской власти, уменьшилось ли число ея вѣрующихъ? Я думаю: нѣтъ! Я думаю, что она за это время выросла, ибо у ней прибавилось число искреннихъ, одушевленныхъ, крѣпко вѣрящихъ въ ея вѣчную правду членовъ, и они тѣснѣе, чѣмъ раньше, сплотились вокругъ нея. Она выросла, ибо оживилось все ея дѣло: зацвѣла приходская жизнь, переродилась проповѣдь, измѣнились отношенія между пастырями и паствой, вся церковная работа стала жизненной и дружной. Переродились самые люди. Тѣ же владыки, что раньше боялись возвыситься голосъ противъ Распутина, хотя имъ за это — самое большее — угрожалъ переводъ въ другую, „худшую“ епархію,

теперь смѣло и дерзновенно возвышаютъ свой голосъ противъ властей и „міродержателей тьмы вѣка сего“, хоть и знаютъ, что ихъ за это ждуть мученія, пытки и даже смерть. Неудивительно, что раньше, когда Церковь была матеріально богата и поддержкою власти знатна, тогда даже свои часто ее хулили и ея чуждались, а теперь, когда она ограблена, поругана, гонима, на нее обращены взоры почти всего міра. Такъ

„Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями.“

Въ чемъ же въ ближайшемъ будущемъ должна проявить свою силу Церковь? Что она можетъ, что она должна дать своему народу?

Нѣкоторые думаютъ, что не далеко время, когда Святѣйшій Патріархъ возьметъ временно въ свои руки бразды народнаго правленія, чтобы затѣмъ передать ихъ въ руки исторически сложившейся власти, что онъ укажетъ и будущаго носителя этой власти. Кто знаетъ нашего Патріарха, тотъ знаетъ и то, что Патріархъ Тихонъ совершенно свободенъ отъ папскаго недуга — желанія властвовать надъ міромъ. Но, помимо этого, мнѣ представляется одна только возможность, когда высшій Представитель нашей Церкви могъ бы стать у кормила государственной власти, — это въ томъ случаѣ, если бы большевиковъ смѣнила анархія, и въ государствѣ уцѣлѣла бы, не развалившись, только одна организация — Церковь. Но этого, т. е. анархіи, можетъ и не быть. Болѣе вѣроятна другая возможность, что настанетъ пора, когда соберется Земскій Соборъ на Руси, чтобы положить начало новой государственной жизни измученнаго народа. Голосъ Церкви, конечно, раздастся на этомъ Соборѣ, и, конечно, онъ не будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынь.

Что и говорить: въ будущей Россіи будетъ благословляться имя каждаго, кто поможетъ положить начало власти сильной, честной, разумной и прочной. И Церковь, если бы она помогла въ этомъ дѣлѣ, оказала бы великую услугу народу. Но при всемъ величій этой задачи, Церковь не можетъ не помнить, что это еще не главная ея задача. Тутъ требуется лишь участіе, поддержка со стороны Церкви. Рѣшать же задачу будутъ, съ одной стороны, — жизнь, съ другой — самъ народъ. Есть же другія задачи, которыя съ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены Церковью, и нѣкоторыя изъ нихъ — только Церковью.

Я назову три такихъ задачи: 1) возбужденіе въ народѣ покаянія; 2) примиреніе враждующихъ сторонъ; 3) религіозно-нравственное перевоспитаніе народа.

Скажемъ о каждой порознь.

Первая задача — это вызвать въ народѣ глубокое, искреннее покаяніе. Съ покаянія должна начаться новая русская жизнь.

Слишкомъ много накопилось за послѣдніе годы на сердцахъ русскихъ людей злобы, а на рукахъ — крови, а за тѣмъ и другимъ — всякой неправды. Иные задыхаются, иные уже падаютъ подъ тяжестью этого кошмарнаго бремени. Съ переболѣвшихъ уже надо снять его; не чувствующимъ его надо о немъ напомнить. И то и другое должна и можетъ сдѣлать только Церковь.

Вторая задача — примирить враждующихъ.

Вмѣсто прежней стѣны, раздѣлявшей у насъ народъ и интеллигенцію, теперь выросла другая; теперь образовалось у насъ два класса: обидчиковъ и обиженныхъ, грабителей и ограбленныхъ, причемъ обиженной и ограбленной оказалась властвовавшая доселѣ надъ народомъ интеллигенція. Послѣдней за годы революціи нанесено столько ранъ, оскорбленій, причинено столько несчастій, что забыть все пережитое можетъ не хватить силъ. Но, съ другой стороны, на враждѣ нельзя строить будущаго. Затѣмъ, и нынѣшніе обидчики могутъ предъявить свои счета за прошлое. Фактъ, вѣдь, остается фактомъ: 1000 лѣтъ государственной жизни, а народъ оставался неучемъ и невѣждою; 900 лѣтъ православной церковной жизни, а народъ въ дѣлѣ вѣры не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой. Не будемъ говорить о многомъ другомъ. Поэтому, надо искать путей къ забвенію прошлаго и къ созиданію свѣтлаго будущаго, надо искать путей къ примиренію, не съ этой, конечно, кучкой бандитовъ и развратителей народной души, а съ этимъ, такъ легко, — потому что онъ по нашей же винѣ былъ невѣжественъ и слѣпъ, — одураченнымъ, обманутымъ народомъ. Примиреніе легче и скорѣе всего можетъ состояться въ Церкви и около Церкви, во имя Христа. Въ этомъ величайшемъ дѣлѣ едва-ли кто можетъ замѣнить Церковь.

Третья задача — это дальнѣйшее воспитаніе народа на религіозно нравственныхъ началахъ. Разруха въ этой области нашей жизни безконечно велика. Только дружными, планомѣрными и мудрыми усиліями Церкви, власти и школы можно будетъ постепенно парализовать разившееся зло и ввести духовную жизнь народа въ надлежащее русло.

Не нужно доказывать, что Церкви въ этой области открывается необозримое поле. Но не нужно доказывать и того, что для достиженія успѣха Церкви придется работать иначе, чѣмъ она работала прежде.

Вообще, наконецъ, надо сказать, что Церкви предстоитъ огромная работа по приведенію собственныхъ своихъ дѣлъ въ порядокъ. Продолжительное спокойное стояніе церковнаго корабля въ защищенной отъ бурь и вѣтровъ, охранявшейся государственной властью гавани, не прошло безслѣдно: корабль обросъ всякими ракушками, водорослями, утратилъ плавучесть. Испытанія послѣднихъ лѣтъ во многомъ подновили корабль.

Но не надо закрывать глазъ: многое — еще далеко не все. Слишкомъ великъ нашъ церковный организмъ, слишкомъ запущено было у насъ церковное дѣло; слишкомъ великая работа предстоитъ церкви. А для этого мало всего того, что уже произошло, — нужны еще многія, весьма серьезныя реформы (отнюдь не реформація) въ разныхъ отрасляхъ церковной жизни, нуженъ смѣлый и рѣшительный полетъ церковной мысли, нужно глубокое и окончательное обновленіе нашей Церкви на истинныхъ началахъ вселенскаго православія, въ чистотѣ воплощающаго духъ Христовъ.

Протопресвитеръ Георгій Шавельскій.

2 февраля 1922 г.

Софія.